

Г. П. НЕЩИМЕНКО

ДЕМИНУТИВНЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ЦЕПОЧКИ
И ИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ В ЧЕШСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Изучение структуры дериватов, объединяемых в составе одного и того же словообразовательного гнезда, позволяет представить направленность словопроизводственного процесса в виде линейного ряда (либо пучка линейных рядов с единым исходным центром) типа $O > D_1 > D_2 \dots D_n$, где O есть производящая основа, а $D_1, D_2, \dots, D_n$ — некоторое (не поддающееся строгому ограничению) множество последовательных деривационных фаз.

Содержание, вкладываемое в понятие «деривационная фаза», в значительной степени абстрактно: это некоторая функциональная ячейка, ассоциирующаяся с вполне определенным категориальным словообразовательным значением. Так, в конкретной словопроизводственной цепочке $učit > učitel > učitelka$ $učitel$ является репрезентантом деривационной фазы «существительное мужского рода со значением лица», а $učitelka$ — деривационной фазы «существительное женского рода со значением лица».

Набор деривационных фаз, характерных для той или иной производящей основы, охватывает все ее допустимые словообразовательные трансформации, конкретная реализация которых зависит в свою очередь от потенциальных словопроизводственных возможностей основы (в частности, от ее структурно-семантической приспособляемости), а также от арсенала словообразовательных формантов, с которыми данная основа может сочетаться.

Следует учитывать, что одна и та же деривационная фаза линейного ряда представлена некоторым множеством репрезентантов. С одной стороны, ее может представлять комплект равнооформленных (в словообразовательном отношении) словоформ одной и той же лексемы; с другой стороны, в ее состав могут входить принципиально возможные словообразовательные синонимы (либо даже семантико-стилистические дублеты). В последнем случае иллюстрацией являются существительные женского рода со значением лица $učitelka$ и $učitelkyně$ (дериват $učitelkyně$ в современном чешском языке не употребляется, однако исконно он входил в состав той же деривационной фазы, что и $učitelka$).

Для дериватов, объединяемых в составе одной и той же фазы линейного ряда, помимо тождества словообразовательного значения, характерно отношение словопроизводственного соподчинения: так, структура упомянутых выше существительных $učitelka$ и $učitelkyně$ выводится из общей производящей основы $učit$ (допустимы, впрочем, и иные параллельные словообразовательные мотивировки).

Образования, относящиеся к различным фазам линейного ряда, напротив, находятся в отношении последовательного словообразовательного подчинения: строение дериватов последующих фаз обуславливается строением дериватов фаз предшествующих.

В связи с тем, что любая деривационная фаза ассоциируется с категориальным словообразовательным значением, при производстве абсо-

лютного большинства номинативных лексических категорий используются лишь однофазные процедуры типа $O > D$, т. е. реализуется лишь какое-то одно звено линейного ряда. Образованием деривата D данная цепочка замыкается, поскольку дальнейшее развертывание ряда по горизонтали сопряжено с изменением категориального словообразовательного значения производящей лексемы, и, следовательно, выходит за пределы словопроизводства данной словообразовательной категории. Так, в цепочке $učít > učitel > učitelka$ дериват $učitel$ завершает однофазную процедуру $učít > učitel$, посредством которой образуется существительное мужского рода со значением лица, а дериват $učitelka$ — однофазную процедуру $učitel > učitelka$, посредством которой образуется существительное женского рода со значением лица.

Исключение из общего правила составляют лишь определенные разряды экспрессивно-оценочной лексики — мы имеем в виду прежде всего уменьшительно-эмоциональные существительные и прилагательные со значением интенсификации признака, — правила производства которых допускают использование многофазных (с двумя и более фазами) процедур при сохранении того же смысла словообразовательного значения. В последующем изложении мы будем оперировать наблюдениями над словообразованием уменьшительно-эмоциональных существительных¹.

В основе словопроизводства уменьшительно-эмоциональных существительных находится система деривационных цепочек различных типов.

1. **Однофазные цепочки.** Однофазные цепочки организованы по принципу $O > D$, где исходная точка словообразовательного процесса (O) представлена нейтральным производящим существительным, а фаза D — соответствующим дериватом, имеющим уменьшительно-эмоциональное значение. По своей сути такие однофазные цепочки представляют собой оппозиции $\bar{n}A/nA$ (где A есть признак деминутивности). Компонент O не является квалифицирующим членом оппозиции — он обозначает предмет безотносительно к его величине, следовательно, наличие признака деминутивности в нем не указывается. Компонент D , напротив, фиксирует наличие деминутивного признака (обычно в комбинации с сопутствующей эмоциональной характеристикой). Ниже мы рассмотрим примеры однофазных деминутивных цепочек, а также случаи контекстного употребления включенных в них дериватов: (*osobnost > osobnůstka*) «Po nebláhých zkušenostech s osobnostmi a osobnůstkami je diagnóza jasná». R. pr.² 13 IV 68; (*lampa > lampička*) «Ve všech domácnostech najdete

¹ В тексте статьи равнозначно употребляются термины «словообразовательный, словопроизводственный, деривационный»; «уменьшительно-эмоциональные существительные, деминутивные существительные, деминутивы» (в последнем случае имеется в виду совокупность имен существительных, наделенных уменьшительным, уменьшительно-эмоциональным и эмоциональным значением).

² В статье приняты следующие сокращения: А — Архив Института чешского языка ЧСАН; PS — «Příruční slovník jazyka českého», I—VIII, Praha, 1937—1957; SSJC — «Slovník spisovného jazyka českého», I—III, Praha, 1958—1969; J — J. Jungmann, Slovník česko-německý, I—V, Praha, 1835—1839; Geb — J. Gebauer, Slovník staročeský, I—II, Praha, 1903—1916; Sim — Fr. Šimek, Slovníček staré češtiny, Praha, 1947; Lang. Sel. — J. Langner, Selanky, V Praze, 1838; Pr. posel — J. K. Tyl, Pražský posel, Praha, 1846—1847; Celak. Ohlas r. — Fr. Celakovský, Ohlas písní ruských, Praha, 1951; Výbor — «Výbor z české literatury od počátků až po dobu Husovu», Praha, 1957; B. N. Bäch. — B. Němcová, Národní báchorky a pověsti, II, Praha, 1950; Mršt. Poh. m. — V. Mrštík, Pohádka máje, Praha, 1950; Broučci — J. K. A. fiát, Broučci, V Lounech, 1930; Mloky — K. Sapek, Válka s mloky, Praha, 1953; Ašk. Et. d. a nd. — L. Aškénazy, Etudy dětské a nedětské, Praha, 1963; V + W₁ — J. Voskovec, J. Werich, Hry osvobozeného divadla,

spoustu lampiček a lamp, všude svítí naplno, i když v místnostech nikdo není», VI 12/68; (*kopec* > *kopeček*) «vystupují z mlžného oparu tmavé *kopce* a *kopečky*», Ed. H. Uzel; (*divadlo* > *divadélko*) «Stejně tak její bohatý kulturní život s proslaveným Národním divadlem i Českou filharmonií, *divadly* a *divadélky*», R. pr. 24 II 68; (*řeči* > *řečičky*) «Hlavní roli v mé vzniklé fantazii *nehrály* ani *řeči* a *řečičky* kamarádů», Rachl. Obl.; (*park* > *parčík*) «v obrovském bludišti velikých *parků* a mrňavounkých *parčíků*», Práce, 1964; (*kult* > *kultík*) «systém různých *kultů* a *kultíků*», R. pr. 25 III 68.

2. **Многофазные цепочки.** Многофазные деминутивные цепочки отличаются от однофазных дальнейшим развертыванием линейного словопроизводственного ряда по горизонтали. Они организованы по принципу $O > D_1 > D_2$. Появление последующих (после D_2) звеньев цепочки хотя и является теоретически возможным, практически редко реализуется, поэтому в дальнейшем мы пользуемся термином «двухфазные» цепочки. Как следует из схемы, исходной производящей основе (символ O) противопоставлены деминутивы, находящиеся в отношении последовательной словообразовательной зависимости: дериваты фазы D_2 (мы называем их вторичными) образуются на базе дериватов фазы D_1 (первичных) путем присоединения дополнительного словообразовательного форманта со значением деминутивности. Несмотря на то, что указанное структурное преобразование не влечет за собой изменения основного, к а т е г о р и а л ь н о г о, словообразовательного значения (дериваты фаз D_1 и D_2 в равной степени принадлежат к разряду деминутивной лексики), в семантике вторичных дериватов по сравнению с первичными появляются важные смысловые оттенки, фиксируемые средствами словообразования: мы имеем в виду прежде всего значение интенсивной степени проявления деминутивного признака. Таким образом, если однофазные деривационные цепочки объединяют компоненты, противопоставленные по одному признаку (признаку наличия или отсутствия деминутивного значения), двухфазные цепочки включают в себя два типа противопоставлений: а) противопоставление $D_1 - D_2$ по степени проявления деминутивного признака; б) противопоставление $O - D$ (комплексное обозначение, включающее D_1, D_2) по наличию признака деминутивности.

Исходя из того, что образование вторичных деминутивов сопряжено с модификацией словообразовательного значения производящего слова, а также из того, что вторичные деминутивы находятся в отношении словообразовательного подчинения деминутивам первичным, мы считаем правомочным квалифицировать факт образования вторичных дериватов как самостоятельную фазу словопроизводственного процесса. Заметим лишь, что применение термина «деривационная фаза» в этом случае является несколько условным, поскольку репрезентанты фаз D_1 и D_2 характеризуются тождеством основного словообразовательного значения. Весьма возможно, что применительно к данной лексике более уместно говорить о некотором раздвоении единой деминутивной деривационной фазы, тем более, что, как показало исследование, двухфазные деминутивные цепочки имеют отчетливо выраженную тенденцию деформироваться в цепочки однофазные. Приводимые ниже примеры иллюстрируют случаи контекстного использования репрезентантов двухфазных деминутивных

I, Praha, 1954; Ed. H. Uzel — E. H o n ě í k, Uzel na oprátce, Praha, 1968 (R. pr.); Rachl. Obl. — Fr. R a c h l í k, Oblázek, Praha, 1968 (R. pr.); Bl. Dim. Objížd'ka — B l a g a D i m í t r o v o v á, Objížd'ka, Praha, 1970 (R. pr.); R. pr. — «Rudé právo», VI. — «Vlasta» (časopis); Haló — «Haló — sobota» (R. pr.).

цепочек: (*drát* > *drátek* > *dráteček*) «elektrický proud prochází *dráty*, *drátky* i *drátečky* jedině tehdy, jestliže je vodič v naprostém pořádku», VI.8/70; (*kluk* > *klouček* > *kloučiček*) «Byla tudíž velmi překvapena, když se jí narodil *kluk*. Tedy říkám *kluk*, ale spíš *klučina*. *Klouček*; po pravdě řečeno *kloučiček*. Nebyl totiž o nic větší než normální palec. Spíš menší. Jako *pa-leček*», VI.22/68.

В системе словообразования исследуемых существительных однофазные деривационные цепочки имеют, несомненно, больший удельный вес, чем цепочки двухфазные. Основная масса функционирующих в языке уменьшительно-эмоциональных лексем образована посредством однофазных процедур и, следовательно, не расчленяется на первичные и вторичные дериваты. По данным статистики лишь 16% исходных производящих основ допускает образование вторичных деминутивов (в 19% случаев речь идет о существительных женского рода, в 15% — мужского рода, в 12% — среднего — рода)³. Сказанное, разумеется, не означает, что существует четкий водораздел между сферами применения однофазных и двухфазных процедур. Проведенное исследование не позволило установить строгие структурно-семантические ограничения, допускающие или же, напротив, запрещающие словопроизводство вторичных деминутивов. Поэтому и за пределами названных 16% лексем, «освященных» языковой нормой, спорадически удаётся зафиксировать случаи образования и употребления вторичных деминутивов, имеющих характер индивидуальных новообразований — сказанное чаще всего наблюдается в разговорной речи⁴. Приведем лишь один пример: «u stolu sedí načesaná slečna, z níž přímo číší touha udělat dojem dokonale vychované dámy. Asi napodobuje techniku zpomaleného filmu. *Sousta*, či lépe řečeno *soustinečka* nese k ústům tak pomalu, že kdyby jedla živou ústřici, tak by jí cestou z talíře na jazyk ještě povyrostla», Haló 5/70. В данном примере вторичный деминутив *soustinečko* (по сути дела репрезентант фазы D_3) словарями современного литературного языка не отмечен — приводятся лишь образования *soustko* (D_1) и *soustečko*, *soustičko* (D_2).

Эволюция двухфазных цепочек представляет собой сложное, практически неопишанное языковое явление, имеющее немалое влияние как на характер словообразовательной интерпретации лексики, функционирующей в языке, так и на пути словопроизводства лексики вновь образуемой. Сущность данной эволюции заключается в постепенной деформации и двухфазного линейного ряда, т. е. в ослаблении, а затем и полном выпадении его наиболее уязвимого звена. Несколько забегаая вперед, скажем, что в положении подобного уязвимого звена чаще всего оказываются первичные деминутивы.

*]

Объединяемые в составе одного и того же словообразовательного гнезда первичные и вторичные дериваты четко противопоставлены друг другу в структурном, семантико-стилистическом и фреквенционном отношениях. Сказанное полностью исключает вероятность возникновения между ними отношений конкуренции, поэтому причину эволюции состава репрезентантов двухфазных цепочек следует искать в самих этих репрезен-

³ Исходные цифровые показатели взяты из публикации «Tvoření slov v češtině», 2 — Odvozování podstatných jmen, Praha, 1967 (автор соответствующего раздела Л. Долежел).

⁴ Иначе у прилагательных со значением интенсификации признака, у которых семантический диапазон применения вторичных процедур является более рельефным. См.: Г. П. Нещименко, История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII—XX вв. (Прилагательное). М., 1968.

тавах, во внутренних закономерностях их семантико-стилистической природы и функционирования.

Изучение языковых фактов позволяет прийти к выводу о неравноценности звеньев двухфазных деминутивных цепочек. Наиболее маркантичными и представителями уменьшительно-эмоциональных существительных являются не первичные, а вторичные дериваты. Подобное «привилегированное» положение во многом объясняется особенностями семантической информации вторичных деминутивов. Мы имеем в виду следующее.

1. Семантическая цельность вторичных дериватов. Уменьшительно-эмоциональные существительные выполняют две основные функции: назывную (обозначение субстанции) и оценочную — в диапазоне последней находятся, в частности, значения уменьшительное, уменьшительно-эмоциональное и эмоциональное. Называя предмет или явление, указанные лексемы одновременно их характеризуют. В зависимости от того, сколь выразительным является оценочное значение, оно либо может быть достаточно стабильным, либо, напротив, редуцируясь, тускнеть. В случае полной утраты оценочного значения назывная функция становится единственной функцией слова, а бывшая оценочная лексема, не подвергаясь дополнительной структурной модификации, претерпевает семантическую метаморфозу, отражающуюся нередко и на ее словообразовательной интерпретации.

У вторичных деминутивов оценочная функция играет главенствующую роль, поэтому не случайно в их семантике практически полностью отсутствуют побочные недеминутивные значения. Иную картину мы наблюдаем у первичных дериватов, в семантике которых чисто номинативные значения не являются редкостью. Использование первичных дериватов в функции нейтральных обозначений во многом обусловливается переносным употреблением соответствующих образований, базирующимся на внешнем или функциональном сходстве явлений действительности. Приведенные ниже примеры, позволяющие выявить специфику семантической информации первичных и вторичных дериватов, наглядно свидетельствуют о несомненной функциональной специализации первичных деминутивов: *kůže* > *kožka*, řidč. *kůžka* «zdrob. ke *kůže*; zprav. *kůže* z malého savce; mysl. *kůže* králíků a zajíců a někt. ptáků» > *kůžička* «zdrob. ke *kůže*»; *člun* > *člunek* «1. zdrob. k *člun*. 2. text. lodičkovité pouzdro s útkovou nití, které se prohazuje osnovou; tech. zařízení sícího stroje, které vede spodní nit. 3. bot. část květu rostlin motýlokvdých...» > *čluneček «zdrob. *člunek* 1»; *kout* > *koutek* «1. zdrob. ke *kout*. 2. expr. příjemné, útulné, odlehlé místo, prostředí; zákoutí, zátiší, ústraní. 3. vyhrazené místo, oddělení, úsek n. odvětví činnosti. 4. postranní část šterbiny úst, očí» > *kouteček* «expr. zdrob.»; *bota* > *botka* «1. zdrob. k *bota*; druh obuvi, zvl. ženské. 2. tech. zašpičatělý železný násadec dolního konce piloty; voj. chránitko dolejší části pažby, zprav. kovové; slav. okování konců dřevěných trámů; bot. blanitý útvar objímající lodyhu rostliny nad nasazením řápiku listu; 3. žel. zarážka pod kola vozů. 4. zeměd. součást secího stroje zavádějící zrno do země. 5. železný škrabák na odstraňování hlíny s pluhu; otka» > > zdrob. *botička*, *botečka*, *botinka*; *list* > *lístek*, zdrob. k *list* «1. malý list rostliny; bot. jednotlivý úkrojek složeného listu (např. akátu, jirince, jeřábu). 2. papírový list malého formátu. 3. pohlednice, dopisnice. 4. druh průkazu o něčem svědčící, k něčemu opravňující. 5. tenký plátek» > zdrob. *lísteček* (SSJC).

Приведенные примеры, число которых легко может быть умножено, наглядно иллюстрируют цельность семантики вторичных деминутивов в противовес семантической неоднородности соответствующих первичных де-

риватов. Сказанное, разумеется, не исключает возможности появления недеминутивных значений и у вторичных производных. Ср., в частности, следующие примеры: *babička* «1. matka jednoho z rodičů. 2. stará žena; stařenka. 3. pomocnice při porodu; porodní asistentka. 4. nář. protěž.»; *koníček* «1. zdrob. ke koník; expr. kůň vůbec. 2. záliba, libůstka. 3. dřevěná figura na kolotoči v podobě koně. 4. hádanka, kt. se luští spojováním slabik na čtverečkováném obrazci podle skoku koně na šachovnici. 5. ob. kobylka, saranče. 6. drobná mořská rybka připomínající šachovou figurku koně. 7. zbož. kožišina hříbat. 8. slang. přenosná plechová záložka umožňující v kartotéce snadnější hledání, jezdec. 9. tělocvičná hra»; *ručička* «1. zdrob. k ruka. 2. ukazatel času (na číselníku hodin); tech. ukazatel naměřené hodnoty na stupnici růz. měřících přístrojů. 3. zř. zast. ukazatel v podobě ruky. 4. úponka (bot.). 5. hud. posuvný drát, jímž lze regulovat výšku tónu» (там же).

2. Максимальная выразительность (в пределах данного словообразовательного гнезда) деминутивного значения, присущего вторичным дериватам. Образование вторичных дериватов диктуется потребностью зафиксировать с помощью средств словопроизводства и н т е н с и в н у ю степень проявления деминутивного признака, а также разнообразную гамму эмоциональных оттенков, отражающую субъективное восприятие человеком окружающего его мира. В связи с этим деминутивное значение в семантике данных существительных представлено, если так можно выразиться, в наиболее концентрированном виде. В семантике первичных деминутивов — непосредственных предшественниках по линейному ряду — деминутивное значение, бесспорно, является менее выразительным и в какой-то мере может восприниматься как некоторый фон, на котором отчетливее обнаруживается семантическая специфичность вторичных дериватов. Ср., в частности, следующие примеры: «Georges:... pane, co to je atom? Jehan: to je malá část hmoty. Georges: Tak řeknu *kousek*. Jehan: To je menší. *Koušinek*, ždíbeček. *Kousek* to je molekula», V + W₁; «Ještě *chvilku*, jenom *chvilinku* malinkou», Mršt. Poh. m., «chtěla se vrhnout na otcovy snímky a roztrhat je na *kousky*, na samé *kouštíčky*», VI.31/68.

В свете приводимого выше материала вторичные дериваты представляются наиболее маркантными представителями деминутивной лексики.

Не менее важной является и другая особенность указанных существительных: вторичные дериваты принадлежат к числу наиболее с т а б и л ь н ы х репрезентантов уменьшительно-эмоциональной лексики. Действительно, изучение данных разновременно издававшихся словарей чешского языка убеждает в относительной устойчивости лексического состава исследуемых образований.

К числу причин этого явления в первую очередь следует отнести семантико-стилистическую специфичность вторичных деминутивов — своеобразный оградительный барьер, обособляющий данные существительные не только от недеминутивной лексики, но и от первичных дериватов. Семантическая броскость, выразительная стилистическая характеристика, предопределяющая преимущественное использование в экспрессивно окрашенной речи, препятствует семантической нивелировке вторичных деминутивов, изолирует их от остальных лексических пластов. И, напротив, меньшая интенсивность проявления деминутивного признака, большая нейтральность стилистической окраски первичных дериватов влечет за собой расширение сферы использования указанных образований, способствует сближению, а иногда и пересечению зон функционирования первичных деминутивов и недеминутивной лексики. Вышесказанное стимулирует процесс семантической нивелировки, поэтому неудивительно, что относительно большое количество первичных дериватов с и т у а ц и о н

но (т. е. в условиях определенного контекста) либо постоянно (т. е. независимо от контекста, во всех словоупотреблениях) утрачивает значение оценки, функционирует как обычные недеминутивные обозначения.

Устойчивость лексического состава вторичных дериватов во многом обуславливается и низкой частотностью их употребления. На данном вопросе мы остановимся несколько подробнее, поскольку фактор частотности оказывает существенное влияние на темп протекания целого ряда важных языковых процессов. Так, вовлечение лексики в более активное языковое обращение стимулирует снашивание ее семантико-стилистической специфичности (что особенно важно для исследуемых нами существительных, имеющих выразительную экспрессивную окраску), ускоряет процессы размежевания словообразовательных формантов (например, их конкуренцию друг с другом), выявления наиболее продуктивных аффиксов, обновления лексического состава и пр. В свою очередь низкая частотность употребления влечет за собой известную «консервацию» лексического состава, препятствует семантической и стилистической нивелировке лексем. Именно низкая частотность вторичных дериватов, как мы увидим ниже, и является одной из причин их стабильности в роли репрезентантов уменьшительно-эмоциональных существительных.

В подавляющем большинстве случаев компоненты двухфазных деминутивных цепочек располагаются, как этого и следовало ожидать, по принципу уменьшения частотности употребления. Факт снижения частотности деминутивов по мере удаления от исходной производящей основы наглядно иллюстрируют следующие примеры: *dcera* 282 — *dcerka* 32 — *dceruška* 12; *hoch* 501 — *hošík* 21 — *hošíček* 15; *hadr* 40 — *hadřík* 6 — *hadříček* 3; *kostel* 157 — *kostelík* 12 — *kostelíček* 5; *kout* 175 — *koutek* 57 — *kouteček* 6; *kufr* 30 — *kufřík* 19, *kufírek* 7 — *kufříček* 3; *noha* 638 — *nožka* 26 — *nožička* 7; *oko* 1766 — *očko* 32 — *očičko* 9; *pokoj* 394 — *pokojík* 19 — *pokojíček* 3; *ryba* 92 — *rybka* 11 — *rybička* 8; *stůl* 510 — *stolek* 39 — *stoleček* 7; *strom* 437 — *stromek* 15 — *stroměček* 9; *syn* 465 — *synek* 53 — *synáček* 29; *vítř* 358 — *větřík* 20 — *větříček* 3; *vrch* 96 — *vršek* 35 — *vršíček* 3; *zrno* 47 — *zrnko* 28 — *zrné (i)čko* 8⁵. Как мы видим, нейтральная производящая основа *O* обычно имеет максимальные частотные показатели, репрезентанты фазы *D*₂, а тем более *D*₃, если она имеется, характеризуются частотностью минимальной. Отдельные случаи возрастания частотности употребления вторичных деминутивов обычно свидетельствуют о намечающемся потускнении их экспрессивной функции, об их преимущественном использовании в функции нейтральных обозначений; ср., например, обозначения степени родства *babička* 135 — *babka* 21 — *bába* 64; *dědeček* 73 — *dědek* 22 — *děd* 25; *tatínek* 501 — *tatík* 40 — *táta* 178.

В отличие от вторичных первичные дериваты характеризуются относительно высокой (для данной категории лексики) частотностью употребления. Указанное обстоятельство в комбинации с ослабленной (по сравнению с вторичными деминутивами) семантико-стилистической выразительностью превращает первичные дериваты в объект, наиболее подверженный различным языковым изменениям, делает их наиболее мобильным, а вместе с тем и уязвимым звеном деминутивной цепочки. Поэтому не случайно деформация двухфазных деминутивных рядов в боль-

⁵ Частотные характеристики взяты из справочника «Frekvence slovních druhů a tvarů v českém jazyce», Praha, 1961.

шом количестве случаев бывает сопряжена с изменением словообразовательной или семантической интерпретации первичных деминутивов.

Ниже мы рассмотрим случаи преобразования двухфазных деминутивных цепочек.

*

Линейная последовательность звеньев двухфазной цепочки $O > D_1 > > D_2$, при которой структура вторичных дериватов непременно выводится из структуры дериватов первичных, по сути дела является отражением диакронического процесса образования деминутивов. Вместе с тем она не противоречит синхронному восприятию языковых фактов; так как опирается на реально существующие в сознании носителей языка словопроизводственные ассоциации.

В процессе функционирования деминутивной лексики описанная линейная последовательность фаз словопроизводственного ряда претерпевает существенные изменения вследствие неравномерной эволюции репрезентантов отдельных фаз. Как показало изучение материала, наиболее стабильным звеном деминутивной цепочки являются репрезентанты фазы D_2 , наименее стабильным — репрезентанты фазы D_1 , лексический состав которых несет отчетливые следы словообразовательного и семантико-стилистического размежевания.

Анализ языковых фактов показывает, что многие из исконно двухфазных цепочек ныне могут быть интерпретированы как цепочки однофазные. Подобная синхронная коррекция обусловлена выходом из употребления либо переосмыслением соответствующих первичных дериватов, в результате чего исконно вторичные дериваты становятся единственными репрезентантами деминутивной лексики.

Важно отметить, что указанная эволюция двухфазных линейных рядов не относится к разряду случайных, спорадических явлений, напротив, она имеет приметы устойчивой закономерности, влекущей за собой переоценку словообразовательной интерпретации относительно большого числа функционирующих в языке деминутивов.

Данная эволюция является результатом действия ряда тенденций, в числе которых немаловажную роль играет тенденция унификации словообразовательной системы данной лексической категории.

Ниже мы рассмотрим направления эволюции двухфазных цепочек.

1. **Выпадение фазы D_1 .** Данный тип эволюции является наиболее распространенным. Его сущность наглядно отражает схема: $O > D_1 > D_2 \rightarrow O \rightarrow D_2$.

Деформация деминутивной цепочки наступает в результате выпадения фазы D_1 и установления непосредственной словопроизводственной соотнесенности между исконно вторичными дериватами и производящей основой O .

Как известно, интерпретация словообразовательной структуры вторичных деминутивов в принципе неоднозначна и допускает возможность выбора словообразовательной мотивировки. При этом, как правило, речь идет о двух параллельных мотивировках, которые схематически можно себе представить следующим образом: $O > D_2; D_1 > > D_2$. Большая или меньшая предпочтительность той или другой мотивировки зависит от конкретной ситуации. Вследствие деформации деминутивной цепочки, проявляющейся в выпадении фазы D_1 , мотивировка $O > D_2$ из параллельной становится единственно возможной.

Выпадение фазы D_1 главным образом обуславливается выходом из употребления первичных деминутивов, образованных посредством непро-

дуктивных словообразовательных формантов, например, *-ic(e)*, *-c(e)*, *-ec*. Приведем примеры:⁶

sestra > † *sestřice* SSJČ > *sestřička* († *sestřinka*, * *sestruška*) SSJČ.
hudba > *hudbice* Geb > *hudbička* SSJČ
voda > † *vodice* PS > *vodička* PS
křivda > *křivdicě* Šim > *křivdička* SSJČ
jesle > *ješlky* Geb, *ješlicě* Geb > *jesličky* SSJČ
dratev (*dratva*) > *dratvicě* Geb > *dratvička* SSJČ
kaple > † *kaplice* SSJČ > *kaplička* SSJČ
báseň > *básně*, *básnice* Geb > *básnička* SSJČ
město > *městce* Šim > *městečko* SSJČ.

Особо следует отметить случаи, когда вышедший из употребления первичный деминутив одной словообразовательной структуры возмещается первичным дериватом иной структуры — таким образом, ступенчатость словопроизводственного процесса, его фазность, сохраняется: *pivo* > *pivko* SSJČ, *pivce* Šim > *pivečko*, *pivičko* SSJČ; *chlév* > *chlívek*, *chlévek* pon. zast. a nář., *chlé(t)vec* pon. zast. SSJČ > *chlíveček* SSJČ; *lod'* > *lod'ka*, *lodice* řidč. SSJČ > *lodička* SSJČ; *ruka* > *ručice* Šim, *ručka* SSJČ > *ručička*, *ručinka* SSJČ; *ryba* > † *rybice*, *rybka* SSJČ > *rybička* SSJČ; *zrno* > *zrnko* PS, *zrnce* Šim > *zrně(t)čko* PS; *krám* > *krámeček*, † *krámec*, * *krámik* SSJČ > *krámeček* SSJČ; *klášter* > *klášterec* zast., *klášteřík* SSJČ > *klášteříček* SSJČ.

Нарушение словопроизводственной связи репрезентантов фаз D_1 и D_2 (и соответственно укреплении соотнесения $O > D_2$) нередко обусловливается переосмыслением первичных дериватов, возникновением в их семантике недеминутивных значений, постепенно вытесняющих уменьшительно-эмоциональное значение. Ср. следующие примеры: *kůže* > *kožka*, *kůžka* > *kůžička*; *hvězda* > *hvězdice*, *hvězdká* bás. zdrob. > *hvězdička*; *bratr* > *bratřík* > *bratříček*; *hlava* > *hlavice*, *hlávka* > *hlavička* (все из SSJČ). Входящие в состав приведенных двухфазных цепочек первичные деминутивы в современном чешском языке в качестве деминутивных обозначений не используются — данная функция полностью монополизирована вторичными дериватами. В справедливости сказанного наглядно убеждает изучение словарной (SSJČ) интерпретации семантики соответствующих образований. Так, у существительных *bratřík*, *hlávka*, *kožka* деминутивное значение из основного превратилось в побочное, второстепенное: *bratřík* «* 1. zdrob. k *bratr*. 2 hist. příslušník husitských vojsk, zejm. pozdějších»; *hlávka* «*1. zdrob. k *hlava*?, malá lidská n. zvířecí hlava, hlavička. 2. kulovitý rostlinný útvar složený z většího počtu orgánů, např. listů, květů». Существительное *kožka*, řidč. *kůžka*, несмотря на то, что словарь фиксирует у него наличие деминутивного значения, практически функционирует как недеминутивное обозначение кожи зайца, кролика и т. д. Существительные *hlavice*, *hvězdice* претерпели полную нивелировку деминутивного значения — SSJČ следующим образом интерпретирует их семантику: *hlavice* «1. rozšířené zakončení něčeho, obyč. nahore... 2. věc tvarem připomínající hlavu⁸. * 3. lidská hlava n. zvířecí»; *hvězdice* «1. bás. hvězda na obloze. 2. předmět mající tvar n. podobu hvězdy. 3. mořský živočich». Примечательно, что в словаре Гебауера существи-

⁶ Заранее оговорим, что в подаче иллюстративного материала мы полностью отвлекаемся от генетического аспекта: приводимые нами дериваты комплектуются ф у н к ц и о н а л ь н о, т. е. с учетом того, какое звено линейного ряда они в данный момент представляют.

⁷ Ср., например: «stařečkové přemoudří, mající pudrovanou hlávku práškem tvrdostí», Hronka, 1836=A.

⁸ Так, в одном из современных контекстов данное существительное употреблено для обозначения боеголовки ракеты.

тельное *hlavice* квалифицируется как деминутив; в аналогичном значении оно используется в тексте произведения, написанного на древнечешском языке: «já z mladú na svéj *hlavici* nosil sem těžkú *přielbicí*, Výbor. Уменьшительно-эмоциональное значение представлено и у существительного *hvězdice* (см. выдержку из произведения, относящегося к середине XIX в.: «hádalý se *hvězdy*/Po nebi po počním.../A jasné *hvězdice*/ Jeho společnice/ Ruce zhasínaly», Lang. Sel.).

2. Выпадение исходного звена цепочки *O*. Направление данной эволюции отражает схема $O > D_1 > D_2 \rightarrow [O] D_1 > D_2$. Сущность эволюции заключается в выпадении исходного звена цепочки и укреплении словопроизводственной связи вторичных деминутивов с соответствующими первичными дериватами. Подоплекой деформации, главным образом, является семантическое размежевание производящей основы *O* и первичных дериватов.

Наиболее характерным примером эволюции этого рода является судьба деминутивной цепочки *chlap > chlapec > chlapeček*. В словаре Гебауера существительное *chlapec* квалифицируется как деминутив от *chlap*. Однако в современном литературном чешском языке данный дериват не только полностью утратил уменьшительно-эмоциональное значение, но и словообразовательную связь с исходным производящим словом *chlap* — между этими существительными произошло семантическое размежевание⁹; ср. интерпретацию в SSJČ: *chlapec* «1. nedospělá osoba mužského pohlaví; hoch, mladík, mládenec; 2. expr. muž vůbec (vrstevník, druh, kolega, kamarád, manžel, syn); hoch; 3. milý, mládenec, hoch; 4. nář. zbojníci»; *chlap* «1. expr. muž, zprav. vyspělý a silný; mužský; 2. ob. expr. muž vůbec (zvl. v kladném smyslu); muž, mužský, chlapík; hanl. muž povahy špatné, darebák, ničema; 3. ob. zhrub. muž, mužský; 4. poddaný, nevoľník; 5. nář. (bez citového zbarvení) dospělý muž, ženatý muž». Вследствие указанной семантической эволюции существительное *chlapec* ныне выполняет функцию исходного звена цепочки, в то время как исконно вторичный деминутив *chlapeček* — функцию первичного деривата. Таким образом, налицо с м е щ е н и е всего ряда влево.

К рассмотренному случаю тесно примыкает и реконструируемая на основе материалов словаря Гебауера цепочка *jehla > jehlice > jehlička*. В современном литературном чешском языке данная двухфазная цепочка распалась на две однофазные в результате семантического размежевания существительных *jehla* и *jehlice*¹⁰: *jehla > jehlička* (с выпадением фазы D_1); *jehlice > jehlička* (с выпадением исходного звена *O*).

Выпадение звена *O* иллюстрируют и следующие примеры: [*kor Geb*] > > *korpec*, *kopek Geb*, SSJČ > *kopeček* SSJČ; [*lem J*] > *límeč J*, SSJČ, *límeč J* > *límeček* SSJČ.

Следует подчеркнуть, что, реконструируя данные цепочки, мы полностью исходим из интерпретации словарей, отражающих относительно ранние стадии существования чешского языка (сказанное в особенности касается словаря Гебауера), поскольку в современном литературном чешском языке семантическая преемственность существительных *kor* и *korpec*¹¹, *lem* и *límeč*¹² полностью нарушена. Единственными носителями

⁹ Небезынтересно сопоставить частотные характеристики исконных компонентов цепочки: *chlap* 197 — *chlapec* 523 — *chlapeček* 49.

¹⁰ Ср.: *jehla* «1. nástroj na šití ... 2. věc připomínající tvarem jehlu. 3. řidč. jehlice»; *jehlice* «1. ozdobný předmět podobný jehle, který se zapíchává do kravat, klobouků. 2. nástroj k pletení. 3. list jehličnatých stromů. 4. polokřovitá léčivá rostlina. 5. štíhlá mořská ryba».

¹¹ Ср. интерпретацию словаря Гебауера: *kor* «корес, Berg», *korpec* «Berg», дем. з *kor*.

¹² Юнгманн квалифицирует существительное *límeč* как деминутив от *lem*.

деминутивного значения ныне являются исконно вторичные деминутивы *korěšek*, *limesček*.

К описанному выше явлению выпадения звена *O* с известной долей условности могут быть отнесены и факты функциональной переоценки первичных дериватов, обуславливающие снижение значимости словообразовательной мотивировки $O > D_2$. Важно подчеркнуть, что случаи, о которых пойдет речь ниже, полностью относятся к сфере языковой синхронии.

Анализ материала показал, что первичные дериваты могут быть использованы как чисто номинативные обозначения и при сохранении в их семантике деминутивного значения. Данное явление становится возможным в том случае, когда более или менее постоянным качеством обозначаемого словом предмета является малость размеров. В указанной ситуации для его обозначения допустимо использовать как производящее существительное, так и соответствующий первичный дериват. Именно так обстоит дело в парах *kniha* — *knížka*, *květ* — *kvítek*, *list* — *lístek*, *kus* — *kousek*, *zvon* — *zvonek*, *kůra* — *kůrka*, *tabule* — *tabulka* и мн. др. Структурно-семантическая связь противопоставленных друг другу лексем является несомненной; не подлежит сомнению и наличие деминутивного значения у образований *knížka*, *kvítek* и т. д., квалифицируемых как первичные деминутивы (имеются и соответствующие вторичные дериваты), тем не менее в определенных ситуациях указанные существительные могут быть взаимозаменяемы, т. е. функционировать как равноправные обозначения объекта, причем в ряде случаев употребление деминутива является более предпочтительным; ср. *knížka veršů*, *dětské knížky*, *modlitební knížky* и пр. Впоследствии в силу частого употребления первичный деминутив закрепляется за объектом в качестве его постоянного названия, а присущее деривату уменьшительно-эмоциональное значение (в данной конкретной специализации) от частого употребления лексемы стирается, тускнеет и в конце концов исчезает¹³. Ср., например, семантическую интерпретацию существительного *knížka* в SSJČ «маленькая книга, книжка вообще» (разрядка наша — Г. Н.). О преобладающем использовании первичных дериватов в функции нейтрального обозначения свидетельствует и факт возрастания их частотности: *chvíle* 1651 — *chvilka* 243 — *chvilíčka* 19, *chvilinka* 10; *list* 238 — *lístek* 139 — *lísteček* 4; *kniha* 325 — *knížka* 97 (частотность вторичных дериватов не указывается).

В некоторых случаях частотность первичных деминутивов превышает частотность соответствующей производящей основы — подобный факт говорит обычно о полном переходе уменьшительно-эмоционального образования в разряд нейтральных обозначений; ср. *svíce* 27 — *svíčka* 88 — *svíčička* 33; *tabule* 43 — *tabulka* 84 (частотность вторичных дериватов не указана); *zvon* 191 — *zvonek* 109, *zvonec* 12 — *zvoneček* 8; *kus* (частотность не указана) — *kousek* 275 — *kousíček* 15 и т. д. В указанной ситуации в ряде случаев наблюдается семантическое размежевание исконного первичного деривата и соответствующей производящей основы¹⁴. Последняя нередко приобретает увеличительное значение; ср. *svíce* «(větší) svíčka» SSJČ. Данное значение может быть как вполне устойчивым (*svíce*), так и ситуационным, обусловленным конкретным контекстом¹⁵. Иллюстра-

¹³ Ср. случай контекстного восстановления деминутивного значения: «*kvítkem je jen podle názvu, ve skutečnosti je to obrovský květ*», R. pr., 1954 (п. 5.)

¹⁴ Ср., например, семантику существительных *kůra* «кора дерева, кора вообще» и *kůrka* «корка хлеба».

¹⁵ Ср. пример из детской речи: «Это не стручок, а настоящий струк».

цией последнего являются следующие примеры: «skořápka poválečné idyly čím dál, tím víc praskala a zlořádky malých měšťánků se měnily ve zlořady a surovou zlobu fašismu», V + W₁; «Přihnal se tedy náhle vítr. První vlhký jarní vítr, závan, živý vzduch. Takový vítr už dnes možná nebývá. Kdo ví. Třeba se uklidnil a je z něho nudný, nanicovatý větrík» Ašk. Et. d. a. nd.

Рассмотренные выше случаи правомерно квалифицировать как п о т е н ц и а л ь н у ю деформацию двухфазных цепочек, поскольку нивелировка оценочного значения завершается переходом деминутивов в разряд нейтральных обозначений. Таким образом, несмотря на сохранение структурно-семантической преемственности между исконными репрезентантами фаз D₁ и D₂, сами эти репрезентанты подвергаются функциональной переоценке: первичные дериваты становятся нейтральными обозначениями, а вторичные дериваты — единственными представителями деминутивной лексики в рамках определенного словообразовательного гнезда.

*

Сопоставление обоих типов эволюции двухфазных деминутивных цепочек позволяет заметить, что независимо от того, какой компонент деривационной цепочки (O или D₁) является объектом деформации, последствия процесса во многом идентичны: д в у х ф а з н а я цепочка превращается в о д н о ф а з н у ю путем редукции наиболее уязвимой фазы деминутивного линейного ряда, представленной первичными дериватами. Указанные образования либо полностью выходят из употребления, либо переходят в разряд недеминутивной лексики вследствие нивелировки уменьшительно-эмоционального значения. Так или иначе единственными представителями деминутивов (после деформации цепочки) остаются в т о р и ч н ы е дериваты, наделенные, как уже отмечалось, наиболее маркантной семантикой и стилистической окраской и являющиеся стабильными репрезентантами уменьшительно-эмоциональных существительных. Следует иметь в виду, что и для вторичных деминутивов деформация линейного ряда не проходит бесследно: она обуславливает переоценку словообразовательной структуры и семантики. Так, в частности, в результате выпадения промежуточной деминутивной фазы D₁ происходит укрепление словопроизводственной связи нейтральных производящих лексем с исконно вторичными дериватами. Это влечет за собой изменение словообразовательной интерпретации вторичных дериватов: они переходят в разряд деминутивов, не расчленяемых на первичные и вторичные дериваты; в их структуре выделяется е д и н ы й сложный формант вместо к о м б и н а ц и и синонимичных деминутивных аффиксов¹⁶. Так, например, с современной точки зрения было бы анахронизмом выделять в структуре существительного *dušička*, бывшего некогда вторичным деминутивом, формант *-k-*, нанизываемый на предшествующий деминутивный суффикс *-ic(e)*, поэтому в данном и других подобных случаях правомерно говорить лишь о наличии единого суффикса *-ičk-*. Таким образом, выход из употребления либо переосмысление (с утратой деминутивного значения) первичных дериватов влечет за собой вследствие т е с н о й в з а и м о б у с л о в л е н н о с т и фаз деминутивной цепочки эволюцию ряда в целом. Функциональное смещение деминутивов, находящихся в отношении последовательной словообразовательной зависимости,

¹⁶ Структура вторичных дериватов является результатом присоединения дополнительного аффикса (нанизываемого или же вкладываемого внутрь слова), нагнетающего уменьшительно-эмоциональное значение.

приводит к тому, что исконно вторичные дериваты начинают выполнять функцию единственных репрезентантов деминутивной лексики, а исконно первичные дериваты — функцию исходного звена однофазной деминутивной цепочки либо полностью выходят из употребления.

Эволюция двухфазных деминутивных цепочек не отличается высокой скоростью, напротив, она несколько замедлена в силу низкой частотности деминутивов: общеизвестно, что деминутивы, как и вообще экспрессивная лексика, к которой они относятся, имеют более низкие частотные показатели, чем лексика, относящаяся к сфере нейтральных обозначений. Сказанное предопределяет целесообразность привлечения данных р а з н о в р е м е н н о издававшихся словарей, в особенности словарей, вышедших с большим хронологическим разрывом. Положительные результаты дает и изучение материалов одного и того же словаря — разумеется в том случае, если он содержит стилистические пометы, отражающие реакцию современных носителей языка. Так, например, словарные пометы, свидетельствующие о малой употребительности соответствующих первичных дериватов, подтверждают справедливость их квалификации как промежуточной, необязательной ступени деривационного процесса. Ср. *duše* > [*duška SSJČ, †*dušice* SSJČ¹⁷] > *dušička*, *dušinka*, *dušenka* SSJČ; *chléb* > [*chleběk* зř. expr. a nář. SSJČ, *chlebec* Geb] > *chlebiček* SSJČ; *koza* > [*kozka* zast. a nář. SSJČ] > *kozička* SSJČ; *louže* > [*lužka, *loužka SSJČ] > *loužička* SSJČ; *lahev* > [*lahvice* pon. zast. SSJČ] > *lahvička* SSJČ; *hnízdo* > [*hnízdko SSJČ, *hniedzce* Geb, Šim¹⁸] > *hnízdečko*; *píseň* > [*píesencě* Šim, *píseňka, *písenka SSJČ] > *písnička* SSJČ; *růže* > [*růžice SSJČ¹⁹] > *růžička*, *růžinka* pon. zast. SSJČ; *buchta* > [nář. *buchetka* SSJČ] > *buchtička* SSJČ; *cesta* > [*cestka SSJČ] > *cestička* SSJČ.

Малая употребительность соответствующих первичных деминутивов существенно снижает вероятность либо даже полностью аннулирует мотивировку $D_1 > D_2$.

Следует отметить, что иногда о направлении преобразования двухфазной деминутивной цепочки можно судить на основе чисто синхронных наблюдений (см. привлекаемые выше сведения о частотности, изучение характера функциональной специализации). Немалую роль играет и анализ контекстного употребления уменьшительно-эмоциональных существительных. Так, в частности, правомерность утверждения о том, что именно вторичные дериваты являются наиболее типичными представителями деминутивной лексики, красноречиво подтверждают контексты, в составе которых вторичные деминутивы употребляются в непосредственном соседстве с нейтральными существительными (соответствующие первичные деминутивы опущены): «*televizní a filmové společnosti hledají mladé talenty, aby si do budoucna vchovaly své vlastní hvězdy a hvězdičky*», VI.52/66; «*Díval se na čáry, čářečky a barevné kruhy*», Ed. H. Uzel; «*Vysokánská věž, a na ní čtyři malé věžičky*», Broučci; «*bůh poslal oddíl duší a dušiček přerozdílných ku vtělování*», Pr. posel; «*Nepokryla se podzimmím listím dolina, dolinečka a posula se ruským vojskem krajina, krajinečka*», Čelak. Ohlasy r., «*Ach, koně, koničci, kolikrát jsme se těšili pohledem na vaše plavé hřívny*», J. S. Kupka. Rušné dny; «*Ženo, ženuško, neodjížděj*», B. N. Bách. II; «*Ach sestro milá! — přemilá sestřičko! Ach duše mladá — mladinká dušičko!*», Lang Sel.; «*Oni tam měli spoustu těch hrází a hráziček*,

¹⁷ Ср. эксперпции: «*A slečinka tichouká duška*», Neruda. Sp., 1898-A; «*pokoj věčný dušiči méj*», Výbor.

¹⁸ Ср., например: «*přiletě jestřáb výbojce, chtieše to hniedzce zhubiti*», Výbor.

¹⁹ См. интерпретацию SSJČ: «*1. zdrob. k *růže*; 2. co tvarem připomíná květ rozkvetlé *růže*».

Mloky; «musíš být hrozně hodný a říkat mi *verše*, *veršičky*, cos mi říkával, když jsi mě ještě miloval», *Rachl. Obl.*; «Proč by nemohl mít most ještě *můstek*²⁰, věž *věžičku*», *Ibid.*; «Do pozdního soumraku jsme věčně chodili spletenec *cest* a *cestiček*», *Bl. Dim. Objížd'ka*; «Ten starý pán, to byl slušný kapřík z těch *velryb*, *ryb* a *rybiček*, co plují mezi poctivými lidmi po *Václavském*», *Haló 51/70*.

Необходимо подчеркнуть, что в результате эволюции определенной части двухфазных цепочек в однофазные (было бы ошибкой полагать, что эта тенденция распространяется на все двухфазные цепочки) происходит унификация, выравнивание функционирующих в языке деминутивов по преобладающему образцу (напомним, что около 84% уменьшительно-эмоциональных существительных не расчленяются на первичные и вторичные дериваты). Значение степени проявления деминутивного признака в этом случае передается не с помощью средств словообразования, а главным образом описательно, синтаксически.

---

²⁰ Вторичный деминутив в цепочке *most* > *můstek* вообще отсутствует.